

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

1897—1898.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ТРЕХЪ ПОРТРЕТОВЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1899.

Н. А. Аристова, въ качествѣ крупнаго шага на пути къ этой цѣли, мы въ то же время позволяемъ себѣ выразить надежду, что ни самъ авторъ, ни будущіе изслѣдователи не останвятся на той точкѣ зрѣнія, на которой онъ стойтъ въ этой книгѣ.

В. Бартольдъ.

248. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Историческое прошлое Бэй-шаня въ связи съ исторією Средней Азіи. Спб. 1898. II + 127 стр. 4^о.

Задачу своего труда авторъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Пользуясь своимъ знакомствомъ съ нѣкоторыми частями Средней Азіи, вынесеннымъ изъ путешествій, совершавшихся, впрочемъ, съ иными цѣлями, я взялъ на себя трудъ помочь историкамъ разобраться въ нѣкоторыхъ наиболѣе запутанныхъ вопросахъ, которые ставить намъ историческая географія Средней Азіи». Предлагаемая книга «являлась плодомъ изученія исторической литературы Азіи и должна будетъ составить первыя три главы приготавлиаемаго къ печати втораго тома «Описанія путешествія въ Западный Китай»; поэтому она печатается только въ 100 экземплярахъ. Въ концѣ предисловія авторъ выражаетъ благодарность Н. А. Аристову, «который любезно дѣлился съ нимъ своими обширными свѣдѣніями по исторіи Средней Азіи». Зависимость отъ взглядовъ г-на Аристова, дѣйствительно, проявляется въ книгѣ г-на Грумъ-Гржимайло очень часто; между прочимъ мы находимъ у него ту-же теорію о тюркскомъ происхожденіи огромнаго большинства народовъ, населявшихъ Монголію до Чингизьхана. Въ нѣкоторыхъ вопросахъ (напр. въ вопросѣ о происхожденіи киргизовъ) авторъ однако расходится съ г-номъ Аристовымъ, отъ изслѣдованія котораго книга г-на Грумъ-Гржимайло кромѣ того существенно отличается категоричностью выводовъ и рѣзкостью полемическихъ приемовъ.

Подъ названіемъ Бэй-шань авторъ понимаетъ всю страну между Тянь-шанемъ и «горами системы Куэнь-луня, до меридіанальной долины р. Эцзинь-гола и даже до Ала-шаня». У китайцевъ этотъ терминъ не имѣетъ такого обширнаго значенія, но авторъ счелъ себя въ правѣ поступить съ нимъ «точно также, какъ прежніе географы поступили съ мѣстными же китайскими названіями Нань-шань, Тянь-шань и Куэнь-лунь, распространявъ ихъ съ одного края горъ на цѣлую систему послѣднихъ» (стр. 2).

Какъ извѣстно, Восточный Туркестанъ первоначально былъ населенъ арійцами, причемъ, по мнѣнію автора, здѣсь господствовалъ тотъ же «древній арійскій строй общественной и государственной жизни», какъ въ Запад-

номъ Туркестанѣ (стр. 11). А ргіогі это надо признать очень вѣроятнымъ, хотя никакихъ фактическихъ данныхъ въ пользу этого, кромѣ раздѣленія Восточнаго Туркестана на множество мелкихъ владѣній, мы не знаемъ. Въ вопросѣ о постепенномъ отуреченіи Восточнаго Туркестана (стр. 66—67) авторъ придерживается приблизительно тѣхъ же взглядовъ, какъ г-нъ Аристовъ; кромѣ того онъ старается прослѣдить процессъ «заселенія свободныхъ земель Джунгаріи, Восточнаго Туркестана и Нань-шаня монголами и омонголенными тюрками». Какъ изъ этихъ словъ, такъ и изъ приведенныхъ въ книгѣ извѣстій (ср. особенно стр. 72) каждый читатель придетъ къ заключенію, что населеніе страны въ эпоху монгольскаго владычества должно было увеличиться; между тѣмъ самъ авторъ въ концѣ книги приписываетъ этой эпохѣ совсѣмъ иное значеніе: «Эпоха Чингизъ-хана имѣла огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Бэй-шаня. Увлеченные этимъ великимъ полководцемъ въ его стремленіи покорить весь міръ, волны кочевниковъ уже не вернулись обратно. Бэй-шань опустѣлъ» (стр. 127). Какъ примирить такое противорѣчіе, мы не знаемъ; Бэй-шань во всякомъ случаѣ принадлежалъ къ числу завоеванныхъ монголами, а не коренныхъ монгольскихъ земель, и монгольскому завоевателю не было никакого основанія «увлекать» населеніе именно этой области. Въ другомъ мѣстѣ очищеніе кочевниками Бэй-шаня приводится въ связь съ успленіемъ Китая: «Бэй-шань игралъ у нихъ (кочевниковъ) видную роль до тѣхъ только поръ, пока въ ихъ власти находились и сѣверныя подгорья Нань-шаня; когда же здѣсь осѣли китайцы, когда вдоль южныхъ предѣловъ Бэй-шаня протянулись стѣны, остановившая ихъ перекочевки на югъ, чѣмъ и была, по выраженію китайской лѣтописи, «отсѣчена правая рука у кочевыхъ», то послѣдніе должны были отхлынуть на сѣверъ и навсегда покинуть пустынный Бэй-шань» (стр. 2—3). И эту теорію (которая сама по себѣ кажется намъ наиболѣе состоятельной) едва ли можно примирить съ предыдущей.

Изъ частныхъ взглядовъ, которыми авторъ расходится съ большинствомъ другихъ изслѣдователей, отмѣтимъ, во первыхъ, совершенно справедливое указаніе, что подъ народомъ хой-хэ, имѣвшимъ сношенія съ китайцами съ начала X в. по 1125 г., нѣтъ основанія всегда понимать тяньшанскихъ уйгуровъ (стр. 61); во вторыхъ — его мнѣніе о дунганяхъ, которыхъ онъ считаетъ «потомками уроженцевъ Самарканда, Бухары и другихъ городовъ турано-иранскаго Запада, уведенныхъ въ качествѣ плѣнныхъ и насильно поселенныхъ монголами въ предѣлахъ Китая» (стр. 65). Трудно согласиться со взглядомъ автора, что его теорія «вполнѣ удовлетворительно разясняетъ одну изъ этническихъ загадокъ»; мы не знаемъ никакихъ фактовъ, указывающихъ на антропологическое родство дунганъ съ

таджиками и сартами. Но, какъ гипотеза, мнѣніе г-на Грумъ-Гржимайло несомнѣнно имѣеть такое же право на существованіе, какъ столь же мало доказанные взгляды прежнихъ изслѣдователей. Интересно указаніе автора на развалины города Эцины, упоминаемаго между прочимъ у Марко Поло и бывшаго нѣкоторое время важнымъ административнымъ и торговымъ центромъ; эти развалины, «извѣстныя у современныхъ монголовъ подъ именемъ Харчеджи-хана-хото, и до сихъ поръ еще сохранились на лѣвомъ берегу (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣки и къ сѣверу отъ уроч. Харамогты) р. Эцинь-гола» (стр. 62). Въ другомъ мѣстѣ авторъ выражаетъ предположеніе, что мѣстность Токузь-Эрсень, упоминаемая въ орхонскихъ надписяхъ, какъ крайній предѣлъ походовъ Бильге-хана на югъ, можетъ быть тождественна съ долиною Эцинь-гола (стр. 46).

Исторія страны (очеркъ доведенъ до послѣдняго завоеванія Восточнаго Туркестана китайцами и до возвращенія Китаю Кульджи) излагается, конечно, главнымъ образомъ на основаніи китайскихъ источниковъ, подробно изученныхъ авторомъ по переводамъ и пересказамъ какъ русскихъ, такъ и французскихъ синологовъ. Для исторіи «тукіэсцевъ» (по правописанію Такиноа, сохраненному авторомъ) онъ кромѣ того пользовался византийскими источниками и литературой объ орхонскихъ надписяхъ. Авторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ взгляды пишущаго эти строки и вмѣстѣ съ проф. Томсеномъ полагаетъ, что подъ «Желѣзными воротами» надписей можно разумѣть только проходъ Бузгала, подъ народомъ Согдакъ — только населеніе Согдіаны¹⁾ (стр. 37—38). Въ другомъ вопросѣ авторъ полемизируетъ и съ проф. Томсеномъ, который не рѣшился отождествить Бумынъ-кагана и Эситми-кагана надписей съ Тумынемъ и Исиги китайскихъ историковъ (стр. 38). Очевидно, для автора не существуетъ филологическихъ затрудненій, въ родѣ вопроса, почему китайцы или тюрки передѣляли звукъ *б* въ *т* или обратнo и какъ слово *Эситми* могло обратиться въ *Исиги*.

Мнѣ всего авторъ, повидимому, изучилъ мусульманскіе источники, даже переведенные на европейскіе языки; этимъ объясняются нѣкоторые изъ сдѣланныхъ имъ промаховъ. Особенно странной кажется намъ теорія о

1) Отвѣчать автору на рѣзкую критику моихъ взглядовъ здѣсь, конечно, не мѣсто; кромѣ того мнѣ теперь приходится измѣнить эти взгляды подъ вліяніемъ другихъ, болѣе существенныхъ возраженій, отвѣтъ на которыя будетъ помѣщенъ въ новомъ выпускѣ книги В. В. Радлова «Die alttürkischen Inschriften». Здѣсь позволю себѣ только замѣтить для читателей, незнакомыхъ съ моею нѣмецкой статьей, что г-нъ Грумъ-Гржимайло не приводитъ двухъ существенныхъ доводовъ въ пользу моей теоріи: во-первыхъ чтеніе «Самаркандъ» имѣется во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ рукописяхъ Джуевини и въ сочиненіяхъ авторовъ, пользовавшихся этимъ трудомъ; во-вторыхъ согдійскія колоніи, по свидѣтельству персидскаго географа X в., были еще восточнѣе, чѣмъ Джунгарія, именно въ странѣ токузь-огузовъ.

двухъ мѣстностяхъ Суй-ѣ, одной въ Чуйской долині, другой — въ долині верховій Джаргата, гдѣ будто бы находилась нѣкоторое время главная орда тюргешей (стр. 37). Между тѣмъ арабскій географъ Ибнъ-Хордад-бехъ¹⁾, подробно описывающій маршрутъ черезъ Чуйскую долину, тамъ же помѣщаетъ «городъ тюргешскаго хана»; китайскія извѣстія о мѣстности Суй-ѣ тоже не даютъ основанія предполагать двѣ мѣстности съ этимъ названіемъ, если не признать непогрѣшимыми китайскія опредѣленія странъ свѣта, вопреки вопросительнымъ знакамъ, которыми эти опредѣленія снабжаются почти во всѣхъ европейскихъ переводахъ²⁾. Иногда событія рассказываются авторомъ въ невѣрномъ освѣщеніи; такъ мы знаемъ изъ словъ Мухаммедъ-Хайдера, что въ концѣ царствованія Юнусъ-хана монголы большею частью отдѣлились отъ него и признали своимъ государемъ его младшаго сына Ахмедъ; но этотъ фактъ не вызвалъ междоусобной войны, такъ какъ Юнусъ не преслѣдовалъ удалившихся³⁾, а Ахмедъ, насколько извѣстно, всегда признавалъ себя въ зависимости отъ отца, впоследствии отъ старшаго брата. Между тѣмъ по словамъ г-на Грумъ-Гржимайло Ахмедъ «пошелъ войной на отца и овладѣлъ всѣмъ Могулистаномъ» (стр. 90). Недостаточное знакомство съ мусульманскими источниками или невнимательное отношеніе къ нимъ проявляется также въ искаженіи собственныхъ именъ; такъ джагатайскаго хана Казана авторъ называетъ Хассаномъ (стр. 85), могулистанскаго хана Махмуда, сына Юнуса, — Мохаммедомъ (стр. 90—91).

Самъ авторъ называетъ свой трудъ «кропотливымъ и мало благодарнымъ», и мы не рѣшаемся возражать ни противъ того, ни противъ другого эпитета. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы мы не признавали за работою трудолюбиваго автора никакого значенія. Исторія Средней Азии еще такъ мало разработана, что трудъ, составленный на основаніи кропотливыхъ изысканій, хотя и безъ настоящей исторической и филологической подготовки, не можетъ пройти безслѣдно; авторъ въ этой книгѣ обнаружилъ несравненно болѣе обширное знакомство съ литературой предмета, чѣмъ въ своихъ прежнихъ работахъ. Не можемъ не замѣтить однако, что «помощь», полученная историками отъ автора, при другихъ условіяхъ могла бы быть гораздо значительнѣе. Отъ путешественниковъ мы прежде всего

1) *Bibl. Geogr. Arab.* VI, 21 (Французскій переводъ).

2) Болѣе вѣроятно другое предположеніе автора, что у китайцевъ нѣкогда носила названіе Суй-ѣ вся мѣстность «между Алатау-Кокъ-шаломъ, между верховьями Чу и Хань-Тенгри». Приблизительно такой-же взглядъ высказываетъ теперь проф. Hirth (въ книгѣ В. В. Радлова).

3) *The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat*, ed. by N. Elias, the translation by E. Denison Ross, Lond. 1895, p. 113.

ждемъ подробныхъ географическихъ и этнографическихъ, по возможности также археологическихъ свѣдѣній; такими работами путешественники лучше всего могутъ помочь разсѣять «тотъ туманъ, въ которомъ ходили и продолжаютъ ходить кабинетные ученые». Въ письменныхъ источникахъ, только отчасти доступныхъ автору (притомъ только въ переводахъ, иногда сомнительныхъ и противорѣчивыхъ, см. стр. 83, 94 и друг.), «кабинетные ученые» вѣроятно разобрались бы и безъ помощи г-на Грумъ-Гржимайло. Поэтому мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что «изученіе исторической литературы Азія» на время отвлекло нашего автора отъ гораздо болѣе «благодарной» задачи.

В. Бартольдъ.

249. А. В. Васильевъ. Образцы киргизской народной словесности. Киргизская пѣсня о трехъ молодцахъ. Оренбургъ. 1897. 38 стр. 8°.

250. А. В. Васильевъ. Образцы киргизской народной словесности. Выпускъ первый. Киргизскія сказки. Оренбургъ. 1898. 89 стр. 8°.

Эти двѣ брошюры составляютъ вкладъ, внесенный А. В. Васильевымъ, совѣтникомъ Тургайскаго Областнаго Правленія, въ сокровищницу матеріаловъ по киргизскому фольклору. При большой охотѣ киргизовъ къ разсказыванію, выслушиванію и запоминанію всякихъ розказней нѣтъ сомнѣнія, что ихъ народная литература весьма интересна для фольклориста по своему необыкновенному разнообразію и богатству. Весьма возможно также, что впоследствии киргизы будутъ литературными посредниками между русскими и обитателями среднеазиатскихъ ханствъ, откуда русскіе сюжеты и мотивы проберутся и дальше — въ Индію и Китай. Такъ какъ знаніе киргизскаго языка вѣроятно никогда не будетъ особенно распространено среди фольклористовъ, то конечно желательно, чтобы матеріалы, подобные публикуемымъ г. В., появлялись не иначе какъ съ переводомъ. Хорошо также, что г. В. почти при всякой сказкѣ точно отмѣчаетъ мѣстность, гдѣ она записана; это слѣдовало бы дѣлать систематически всегда. Что касается сюжетовъ сказокъ, собранныхъ г. В., то и для нѣ-фольклориста нетрудно приписать ко многимъ изъ нихъ параллели; такъ № 1 близокъ къ русскимъ «Семи Симеонамъ» или нѣмецкой сказкѣ «Sechse kommen durch die ganze Welt», № 2 напоминаетъ русскую сказку о старикѣ Охѣ, въ другихъ сказкахъ есть мотивы, напоминающіе Дударь-кызы и Еркѣмъ Айдаръ (изъ «Образцовъ» В. В. Радлова), или мужика, обманушаго чѣрга (№ 19) и т. д., такъ что сборникъ г. В. по содержанію безусловно интересенъ. Заслуживаетъ вниманія и принятая имъ транскрипція: изъ нѣ-русскихъ буквъ употреб-